

Игорь Муханов

ЗОЛОТОЙ ВЕЩЕР

Книга Эпифаний

Игорь Муханов

Золотой ветер

Эпифании

Алтай

2021

Художественный редактор — Алёна Цами

Оригинал-макет — Айсулу Семендеева

Автор текста — Игорь Муханов

Между жанрами и названиями

Иван Бунин, непревзойдённый мастер русского языка, оставил миру пророчество. О том, что проза, развиваясь в веках, станет всё больше походить на поэзию. Не в смысле внешних атрибутов, связанных с ритмом и размером, а в смысле цветения языка.

Принято считать, что проза являет горизонтальную планку развития человека, а поэзия – вертикальную. От скрещивания этих понятий получается символ жизни – крест. И Бунин присягнул этому кресту.

Существует немало названий, характеризующих поэтичность прозаического языка. Орнаментальная проза, ассоциативная, лирическая миниатюра, эссе и многие другие. И среди этих названий не слишком примелькавшееся – эпифания.

Слово это библейское. Ввёл его в литературу Джеймс Джойс, учившийся на священника. Эпифания означает состояние высокой пробуждённости, при которой человек видит в обычном – необычное. Восходит она к благодати, озарению, Дзэн. Эпифания – противоположность эпитафии, если сказать о ней коротко.

Возможности эпифании как жанра в полной мере раскрыл латышский поэт Имант Зиедонис, написав книгу поэтической прозы «Эпифании».

Соединить прозу и поэзию нелегко. Проза должна притягиваться к поэзии, составлять с ней единое целое. Японский хайбун, соединивший прозу и поэзию, заканчивается хайкой. Неритмизованная речь, набухая чем-то высшим, становится стихами. Так почка превращается в листок, утверждая зелёное в весенней лазури.

Хайбун заканчивается хайкой с размером 5-7-5, эпифании – коротким стихотворением. И это, увы, надо принять. Сказываются размеры России, снега и снегири. И, конечно же, Пушкин с его ямбами, вот уже 200 лет бомбардирующими наше ДНК, оглушая его балами и вальсами!

Игорь Муханов

Эпифания радуге, охотнику и его пуле

Говоря об Алтае, о красоте этих древних языческих мест, нельзя не упомянуть и радугу.

Радуги на Алтае бывают почти каждый день. И не только обычные, похожие на гусли, на которых счастливые Небожители играют свои мелодии, но и двойные, и даже тройные!

Существует поверье, близкое каждому человеку. Если встать на то место, где радуга касается земли, можно обрести счастье. Моё детство прошло вдали от Алтая, в местах, где радуги бывают редко, и я не слышал об этом. А то бы непременно отправился такое место искать!

Зато я пишу стихи, и о радуге – тоже. И, конечно же, бываю в том месте, где радуга касается земли. Здесь правило одно: необходимо стать творянином. И уйти от штампов речи в язык, доселе не знакомый. И тогда станет возможным многое...

Все расцветки июля
радуга собрала
и сложила их в пуле,
в туннеле ствола.

И охотник-верзила
пальнул в небеса
всё, что дождиком было
и хранила роса.

Красный – маки созрели,
синий – волны бегут,
жёлтый – кедр спилили
на альпийском лугу.

Отшельник, живущий в горах

Избушка, похожая на охотничью, в трёх шагах от неё – дровник. Весь день дребезжит стекло, слабо прижатое к раме гвоздиками, создавая зримую картину молитвы, летящей в мир. И будто прослаивает она воздух, прохладный и летом в горах. Меняет его химический состав, а главное – делает воздух приветливым.

Сила молитвы, произносимой человеком, хранит немало тайн. Она и мает, и зовёт, и свет даёт, и охраняет. Покрывает и горы, и леса прозрачной крышкой. Поди, пробейся сквозь толщу нежности, чистоту изначальных чувств! Уймонская долина окружена горами, и защитная крышка ей – в самый раз. Поэтому в долине и ощущается весна. Будто сады цветут в ней круглый год – яблоневые и вишнёвые!

Сказкой это не назовёшь, но охранять Уймонскую долину отшельнику помогают трое друзей, воевавших когда-то в Афганистане. Время покинуть землю им ещё не пришло, вот и сгущаются друзья в прозрачный студень возле

избушки отшельника. Балагурят, курят табак, вспоминают свою молодость. Все они местные: из Чендека, Гагарки и Мульты. Скоро исполнится сорок лет, как тела их покоятся в Уймонской долине.

Сам отшельник, занятый чтением молитв, выходит редко. Всё больше молчит, пряча свои уста под седой бородою. Но взглянет мельком на тебя, и стайка речей пронесётся в твоём сознании. Добрых, приветливых речей, от которых начинаешь дышать свободнее!

Живу вот уже неделю в шалаше, неподалёку от отшельника. Ем лесную ягоду и сухари. Днём обхожу окрестности, любясь очертаниями скал, а ночью сижу у костра, созерцая его дыхание. Звёзды светят так близко, что, кажется, можно достать их рукой. Говорить же хочется одним движением глаз, чтобы не потревожить Небожителей.

Лошадь пасётся среди берёз.
Куда нам ехать, скажи?
Трава рассвета, полная слёз,
туман, родник, миражи.
Ночью звезда в золотых очках
взирает на горный луг.
Бывало, крикнешь, и в облаках
откликнется кто-то вдруг.

Дельтапланы летним утром

Небо над Уймонской долиной, где я живу, в веснушках. Это дельтапланы, – красные, жёлтые и зелёные – летают с утра.купаются в тёплых воздушных потоках, на землю и не глядят. Слишком всё выглядит на ней обычным. Дома как спичечные коробки и люди, похожие на муравьёв. Трудятся целыми днями в своём огороде, пропалывая грядки с морковью и чесноком!

Птичье мировоззрение одолевает человека, когда он поднимается в небеса. Сбои в работе ДНК проявляются в полную силу. Вспоминает человек свои птичьи воплощения, сладкую ягоду в лесу. Предстают его взору долгие перелёты, тёплые страны и моря. И свысока начинает смотреть он на дольний мир, полный забот и обязанностей.

Вот и меня, пока я тружусь в огороде, разглядывает дельтапланерист сквозь тёмные очки. Словно хочет сказать с усмешкой: «Такие вот, брат, дела. Летать дано не каждому человеку. Нужны для этого смелость, молодость и деньги!»

– А ещё – умение и дар, – добавляю я про себя и ухожу в дом, где сажусь за свой старенький компьютер.

Пишу одну, другую строчку стихотворения, и чувствую

лёгкость на душе. После третьей строчки я уже летаю в облаках, выше дельтапланериста. И смотрю на него глазами жителя Тонких Сфер, прозрачных для земного человека.

Поэзия, если глубже её понять, связана с чудом. Она – как полёт бабочки над цветами, как пение утренних птиц. Поэзия имеет разрешение на освоение других миров, данное ей свыше... Да, да, да!

На четвёртой строчке стихотворения я уже вижу весь Алтай, сверкающий узорами ледников. С длинным Телецким озером, расположенным в горах, с Катунским хребтом, за которым начинаются ковыльные степи Казахстана. Надо мной слой озона, блестящий на солнце, как соль. Дальше начинается Космос, и лучше пока в него не проникать. И на земле дел хватает! Нужно помочь закончить войны, Россию из нищего существования поднять. Нужно... да мало ли что ещё нужно сделать для блага человека?

И я читаю стихотворение, только что записанное мной в компьютер, вслух – облакам и деревьям...

Просом мальчик просыпается,
спрашивает: «Час который?
Догадайся – улыбается, –
не пустые разговоры –
кем я был во сне – водицею?
Серебром? Весенней лужею?
Это снова повторится ли?
Я бескрайней жизни нужен ли?
У лесной опушки вечером
обернусь букашкой маленькой.
Ладно, буду – делать нечего –
Ваней-Ванечкой для маменьки!»

Представления о Монголии у духов Алтая и у людей

Тени на снегу длинные и широкие, как оглобли. Словно запрягают в сани луну, плывущую над Чуйским трактом. Духи Алтая, живущие внутри гор, готовы ехать в Монголию!

Алтай – это сходка гор-великанов. Старцев в тёплых кедровых зипунах, любящих в лунную ночь курить трубку тумана. А Монголия, соседка Алтая, совсем другая. Выжженная солнцем земля и орлы, высматривающие добычу. В Монголии также обитают духи, но только другие. И как же духам Алтая не навестить своих соседей, не выпить с ними вина, настоянного на цветах и травах?

Монголия в своей середине степная, в прожилках ручьёв и малых речек, а к югу – песчаная. На юге Монголии бурханы, солончаки да ветер со щербинкой в зубах, насвистывающий грустную мелодию. Духи Алтая посещают её юг, но не так часто и только с ознакомительной целью.

Для духов, едущих в Монголию из других сибирских городов, Алтай – перевалочный пункт, засыпанный по горам снегом. Особо изощрённый лабиринт, в котором можно заблудиться. Поэтому духи сибирских городов, проезжая Алтай, спешат провести на альпийских лугах короткую летнюю ночь и продолжить свой путь в Монголию.

Иногда, особенно зимой, люди видят перемещения духов в Монголию. Встречается им юрта, поставленная на сани, дымящая широкой трубой. Из юрты доносятся смех, веселье, звон хрустальных бокалов, полных вина. Такова жизнь духов, проводящих своё время в праздном веселье!

У людей же, населяющих территорию Сибири и Алтая, представление о Монголии совсем другое. Для них Монголия – как магнолия, цветущая летом пылью лошадиных табунов. Лошадиное ржанье для людей имеет своё, с уклоном в музыку, значение. Даже конский помёт для людей, посещающих эту страну, особенный. Выглядит как тюрбан, украшающий головы камней и кочек.

Как видите, представления о Монголии у духов Алтая и у людей – прямо противоположные.

В озорных глазах алтайца
не скажу, в каком году –
горы прыгают, как зайцы,
как играют в чехарду.
Тенью старого аила
водит Время хоровод,
вспоминая всё, что было,
и в пути трясёт кобыла
даже синий небосвод...
Не скажу, который год.

Заимка старовера

К старику-староверу, который жил на заимке, расположенной на песчаном берегу Катуня, мы и не думали заплывать. Наслышались о его суровом характере, о сложных взаимоотношениях со своими детьми и перестали о нём думать.

Лодка, в которой мы плыли, неслышно скользила по реке, освещённой стеклянным светом полнолуния. Временами из прибрежного лозняка доносились крики птиц, чутких на любое перемещение. Река выпускала пар в успевший уже остыть воздух, мешая видеть окружающее. И все, сидевшие в лодке, были молоды и сильны, и ощущали эту жизнь, как на губах снежинку.

Но человек из нашей компании всё же предложил заехать к старику, взяв на себя нелёгкий труд общения. Выпив немного вина и посмотрев на прибрежные берёзы, которым луна, сиявшая в зените, дарила золотые короны, мы согласились.

Лодка приблизилась к берегу и зашуршала о серый, с мраморной крошкой песок. Избушка старика, сложенная из брёвен лиственницы и крытая соломой, давно уже утратившей свою желтизну, выглядела заброшенной. Наш парламентарий сложил ладони трубкой и, выговаривая каждое слово, произнёс:

– Луна над Катунью светит, как молодая царевна. И вежливые гости только украсят досуг почтенного хозяина!

Эхо повторило эту фразу несколько раз, уменьшая и удаляя от нас её звучание. И снова наступила тишина, дарившая нам новые ощущения. Мы сидели в лодке, затаив дыхание, и ждали: что же произойдёт?

Через какое-то время дверь со скрипом отворилась, и на пороге показалась высокая крепкая фигура. Старик, одетый в холщовую рубаху, достававшую ему до колен, уверенным шагом направился к нам. Он прижимал к своей груди снедь: ломоть сала, круглый ржаной хлеб и бутылку, полную янтарной жидкости. Увидев эти дары, поднесённые щедрой рукою, наша компания зашумела как улей, когда к нему подносят дымарь...

Из ближайшего лозняка вспорхнули две утки. И осыпав брызгами луну, отражённую в Катунь, полетели искать уединения на другом берегу.

Узнать мечтаю от влаги,
о чём в тишине вечерней
поют весною овраги,
укрытые лунной тенью.

Полёт озорного камня
дробит тишину на части,
а горы живут веками,
забыв про земное счастье.

И пьют из чаши рассвета
нектар живого мгновенья...
Живи и ты, моё лето,
дыханием вдохновенья!

Эпифания деревьям, игущим СКВОЗЬ ЗИМУ

Легко мне вспомнить год, когда случилось это событие. Ведь у него существует своя, особая пометка...

Именно в тот год на моём огороде выросла тыква размером с бочонок, предназначенный для вина. И я стал давать имена деревьям, отзываясь на внутренний зов. Деревья росли неподалёку от моего дома, и я сдружился с этими мирными существами, навещая их каждый день.

Берёза Марина, лиственница Екатерина, ёлка Светлана – получались сплошь женские имена. Поэтому тополю, единственному представителю мужского рода, шумевшему на ветру высокой макушкой, я дал старинное имя Пересвет.

Шло время, разбрасывая по заливному лугу цветы самых разных названий. Незаметно наступили осенние дни с их слякотью и листвой, грустно шуршавшей под ногами. Но я по-прежнему навещал своих древесных сородичей.

Деревья общались со мной телепатически, я слышал

внутри себя их голоса. Марина, Екатерина и Светлана часто жаловались на погоду. А когда опала листва и первые заморозки покрыли лужи льдом, попросили меня принести соломы согреть озябшие ноги.

Один тополь Пересвет вёл себя, как настоящий мужчина. Стройный и по-военному подтянутый, он проявлял сдержанную радость при встрече со мной. И с грустью смотрел, как течёт неподалёку Катунь, а вместе с ней – и время.

Но вот понадобилось мне съездить в Москву, доставить в литературные журналы свои стихи и рассказы. Их можно было послать и по почте, но в Москве меня ждали друзья. А им хотелось меня обнять, услышать написанное мной в живом исполнении.

Когда я вернулся домой, стояла уже зима. С глубокими сугробами и песней метелей, не прекращающейся порой целыми днями.

На следующий день после своего возвращения я отправился в лес навестить деревья. Как они поживают без меня? Тепло ли укрыты снегом? О чём они думают в долгие зимние вечера?

С утра шумела метель, поднимая за окнами снежинки. Снег набивался под шапку, оседал на моих ресницах, колот иголками лоб. «Марина, Екатерина, Светлана!» – повторял я про себя, шагая по бездорожью. И добавлял: «И ты, мой славный полковник Пересвет!»

Не стану описывать свою встречу с деревьями, поскольку, придя домой, написал о ней стихи. И читая их вслух, порадовался тому, что ещё живу на этом свете. Живу – значит, радуюсь всему, что я вижу, и сострадаю тем, кто попал в трудное положение. Сострадаю не только людям, но и деревьям...

Деревья в чулках деревянных,
раскинув тонкие руки,
идут походкою пьяных
сквозь ледяные муки.

*(Декабрь, январь и февраль –
километры,
и дуют сухие ветры)*

Последний листок увянул,
а птичьи гнёзда пустые
на черепах деревянных,
как зимние шапки, стыннут.

На перекрёстке судеб,
в дымящейся круговерти
растут ледяные зубы
суровой старухи – смерти.

*(Декабрь, январь и февраль –
километры,
и дуют сухие ветры)*

Эпифания лягушкам, их пению и ночным играм

Как петухи на русских подворьях поют желанный рассвет, так и лягушки в прогретых солнцем водоёмах поют дождливую погоду. А значит, расти пшенице на полях и картошке на огородах!

Да с ними, с лягушками, просто веселей жить. Не сов же и филинов слушать по ночам в лесу, вникая в их звуки, полные трагических рыданий?

Лягушки – это существа, которые учат нас жить не по уставу. Гогот лягушек уходит своими корнями в дзэн-буддизм, в рукав халата китайского философа. Того самого филомагага, который смеётся беззубым ртом над измами этого мира!

Японский монах Басё, согласно легенде, долго медитировал возле пруда, погружаясь в Безмолвие. Но просветление так и не приходило. И вот лягушка прыгнула в воду, са-

мая обыкновенная, с глазами, похожими на перископ. И напряжение, вызванное долгим ожиданием, лопнуло мыльным пузырьём. Вспыхнуло внутреннее солнце, осветив и самые тёмные углы... Басё достиг просветления!

Он стал писать стихи и рисовать тушью. Басё прославил дождь, лесную ягоду и восход луны над горами. И, конечно же, лягушку – куда нам деться без неё! Как жить без этой гоготуньи, заколдованной луной, поющей не горлом, а всем своим телом?

Что же касается меня, то здесь нужны пояснения. Лягушки вошли в мою жизнь потому, что я построил свой дом на берегу Катуня. Каждую ночь я слушаю их концерты. И участвую в жизни лягушек, как иной обыватель участвует в жизни театральной труппы. Поэтому и пишу о лягушках с большой любовью. О милых земноводных существах, ставших в моей жизни тем же самым, чем кошки и собаки в жизни людей.

Лягушки заводят игры
на листьях травы.
Лягушки – зелёные тигры
и тёмные рвы.
Представят себе комариху
в лесной тишине
и маются неразберихой,
и думают о войне.
Пойду, погляжу лягушек!
Не далее, как вчера

возникла колонна пушек –
такая была игра!
Пошли солдаты в разведку
добыть язык тишины...
Лягушки прикинулись веткой
и отраженьем луны.
Прикинулись автомобилем,
везущим тебя ко мне...
А пушки били и били
икринками по луне.

Эпифания прошлой своей жизни, связанной с кавалерией

Если люди в расшитых золотом мундирах войдут в твою комнату и скажут: «Немедленно покинь поле сражения. Из окон – отличный вид на врага, и сейчас сюда завезут мощную пушку», не обращай на них внимания. Продолжай медитировать, привнося в окружающее тебя пространство мощные энергии любви. И вскоре ты увидишь, что картина боевых действий задрожит и изменится. У солдат затуманятся лица, у пушек изогнутся стволы. И плат Богородицы, несущий защиту человеку, опустится на эту Землю...

*Солдаты – твои негармоничные мысли,
пушки – твои негармоничные эмоции,
военные действия – кармические действия, происходящие в глубинах твоего житейского «я».*

Майское утро – тихое, странное...
Где ты, погода, сердцу желанная?

Дождь непрерывно стучит по сараю,
словно кривые ножи самураев.

Конь вороной возле старого дуба
крупом мерцает и грустно, и грубо.

В тёплой избе, по земному закону,
свечи зажгу, помолюсь на икону.

Плащ, до сапог достающий, надену
и на крыльцо – нужно ехать по делу!

Эпифания воображению

Будучи знаком с алтайцем-сказителем, прожившим в селе Ак-Коба, заехал как-то послушать его пение. Но сказитель оказался болен. Его мучил жар, и довольно сильный. А живот, заметно раздувшийся, издавал болезненные звуки!

Увидев меня, старик слабо улыбнулся. Сощурил, выражая удовольствие, свои и без того узкие глаза. Затем достал с прикроватного столика листок, нарисовал на нём корову и протянул её мне.

Не зная, как себя вести, я стал рассматривать рисунок. Линия, проведённая карандашом, была крепка, пропорции тела соблюдены и вымя, как пишут в газетах, «доставало травы»...

– Чего ты хочешь? – спросил я старика, закончив рассматривать рисунок.

Но тот уже спал, попыхивая ртом, словно курил алтайскую трубку. Решив подежурить возле старика, я стал сочинять историю, в которой корова, изображённая на ри-

сунке, была главной героиней.

Луга распахивались передо мной как табакерки, полные разных цветов, и горы блестели своими снежными вершинами. Глаза мои сузились и потемнели, щёки покрылись бородой. Я превратился в алтайца, служившего у местного бая пастухом. Щёлкая кнутом, издававшим угрожающие звуки, я объезжал своё стадо на коне.

Горы курились облаками, бросая в долину широкую тень. Ромашки прятались в разнотравье, как кисейные барышни от своих назойливых женихов. Коровы шли на водопой, кивая мордами, и Катунь ёкала на перекатах, словно икала после еды.

Как меня звали в этом мире? Уж точно не Иваном или Ильёй! Звали меня Амыром-пастухом, и я был молод и красив собою.

Но вот старику стало легче, и он окликнул меня. Я же не смог отозваться сразу, поскольку находился далеко. В той самой реальности, в которой бык, напившись воды, стал ухаживать за коровой. Та замычала в ответ, призывая на помощь подружек, и я направил в её сторону коня...

И тут в глазах моих потемнело, словно задули свечу. Это старик, видя, что я не шевелюсь, поднялся с постели. И заглянул мне в глаза, дыша табачным дымом. От тьмы, похожей на египетскую, я и очнулся. А старик достал уже топшур, висевший возле алтарного столика, и настраивал на нём струны...

– То-то будет радость, – подумал я и ближе подвинулся к старику, глядевшему на меня своими добрыми глазами. Отражавшими внутренность аила, догоравший огонь и,

как мне показалось, старинную алтайскую жизнь, освещённую солнцем и хранимую горами.

Амыру-пастуху в расцвете лет
понадобились юные берёзы
и бабочки над клевером, и розы,
хранящие малиновый рассвет.
И друг-ручей Амыру-пастуху
пиликает на каменной свирели
хрустальный сон, святую чепуху
о том, как в небесах летают ели.
Что делать? Как найти ему врача,
что выжимает сок из кирпича
и эликсир любви даёт больным?
Да очень просто: над аилом – дым,
внутри – огонь, и всюду по аилу
летают косы Каначаки милой.
Поймаешь эти косы за концы,
и запоют весенние скворцы!

Эпифания комару

– Комар – существо никчёмное, – скажет сторож Управы Дождей, живущий в моём воображении, и будет неправ. Комар – это форма жизни, созданная Элохим – вселенскими генетиками. Над созданием комара трудилась целая научная лаборатория, расположенная в созвездии, которое жителям Земли знать не суждено. Следует думать, из-за их избыточной агрессии.

Комара создавали кропотливо и с любовью. Определили ему лучшую пищу – цветочную пыльцу. Но кто-то из Элохим предложил каплю крови, способную ускорить развитие яиц. Идея выглядела смелой и привлекательной. Проголосовали за неё на учёном Совете и приняли большинством голосов.

Комар, каким его создали Элохим, угоден только существам, имеющим чувство сострадания. Ведь отдать каплю своей крови согласится не каждый. Большая часть населения Земли будет ненавидеть комаров и стараться уничтожить их популяцию. И это нужно принять как должное, ибо

совместная жизнь многих организмов требует неукоснительного равновесия.

Отдавая каплю своей крови, я всякий раз люблюсь комарихой. Фетровая спинка, шесть тонких спортивных ног, полосатый животик... Дизайн биологической формы в лучшем его исполнении!

«Боги Земли и Солнечной системы, генные инженеры всех галактических систем, – обращаюсь я всякий раз в своей молитве. – Вы и в самом деле молодцы. Фантазия ваша безгранична, цели гуманны и чисты. Вы творите Вселенную! И я, отдавая каплю своей крови, участвую в вашем творении. На благо всей жизни на Земле, в том числе и комариной».

Летит комар-государь,
в животе у него фонарь.

Его кафтан полосатый
висит в магазине снов
и пахнет сушёной мятой,
поскольку уже не нов.

Кафтан на бал не годится,
зато как поёт, скрипаль:
вода на лавку садится
послушать его печаль!

А после с багровым носом
летит на клумбу, к цветам,
где вина вкушают осы
под птичий весёлый гам.

Жизнь, полная божественных шёпотов

Положив в изголовье чурбан, оставшийся после зимней топки, созерцаю луну. Веду разговоры с тенью, падающей от столба веранды на траву. И мило улыбаюсь полутени, осознавая, что она совсем ещё девочка. Да и я в этот вечер, полный надежд на будущее, не слишком уж и стар.

Совершая вечернюю медитацию, прислушиваюсь, как капает с листьев вода. Звонко и рассыпчато, как на камни – монеты. Звуки растут по мере углубления в себя. И когда они становятся настолько громкими, что начинают заглушать речь Катуня (реки, протекающей неподалёку), прекращаю медитацию.

Сердце начинает стучать ровно и торжественно, глаза приобретают зрение орла, а уши начинают слышать, как мышь грызёт травинку. Тут-то и начинается жизнь, полная божественных шёпотов...

Пытаюсь припомнить свои чувства на следующее утро. Сажу, пью чай, вызываю из воздуха картины. Называю это занятие запоздалой любовью. Но жизнь, полная божественных шёпотов, не умещается в слова...

Представляю, как подходит к столу мой кумир – Иван Алексеевич Бунин. Он в лёгком парусиновом костюме, держит левую руку за спиной. Заглядывает в мою писанину, читает...

– Вот тут подправь, – указывает Бунин на строку. Я оборачиваюсь, желая заглянуть ему в глаза, но вижу только цветы, растущие на клумбе. Да ещё воробья, скачущего по веранде. Уже раскрывшего свой клюв, чтоб чирикнуть...

Твоя рука притронулась к луне,
в реке плывущей, – значит, и ко мне.
Я помню, что шепнул мне ветерок:
ты – вестница рассвета, мой урок!
Ты пробуждаешь память прошлых лет
о том, что ты – река, и смерти нет.
В твои живые струи загляну,
поймав полночный ветер и луну.

Эпифания языкам, их приливу и отливу

Языки то приближаются к нам своим совершенством, то снова удаляются в темноту, в которой живут стереотипы. Языки – это море с его приливами и отливами.

Когда языки приближаются к нам, на каждой волне сидит по Поэту. И если ручку, которую держит Поэт, кто-то примет за гаечный ключ, отлитый из силумина, не грустите. Поэты производят настройку языка, делая его гибким и пригодным для понимания тончайших метафизических явлений.

Во время отлива утонченность языка не нужна, поскольку чувства грубеют. Это время благополучия, утилитарного мышления и обилия техники.

Прилив и отлив сменяют друг друга. Таковы законы Вселенной, которым подчинена человеческая жизнь. Сегодня мы находимся на пути от поэзии к технике. На пути за-

мещения Природы пластиком и бетоном, а романтических отношений – поведением млекопитающихся. И в кипящих низинах девальвации души тонут культура и искусство.

Я говорю плечом и жестом
слова – их маленький народ
куда-то берегом идёт
реки воздушной и отвесной.
Слова – вернее, до-слова,
понятные цветку и лугу
и близкому, быть может, другу,
не замечает голова.
Но сосны старые цветут
и птицы штопают разрывы
осенних туч, и в листьях ивы
прокладывают свой маршрут,
когда слова без слов растут.

Золотой ветер

О том, что золотой ветер живёт в душе человека, окрашивая её в нежные цвета, я знал ещё с детских лет. Этот ветер призван служить человеку, и если бережно к нему относиться, дарит богатую находками жизнь. Именно золотой ветер оберегает душу человека, даёт ей возможность понимать религию и искусство.

Случилось мне как-то идти полем, раскинувшимся среди гор, после пирушки с друзьями.

Луна, поднимаясь из-за Катунского хребта, выглядела свежей и отдохнувшей. И дарила предметам тени, похожие на стрелки часов. По мере того, как луна восходила в свой зенит, тени становились короче. И минутные стрелки, теряя свою длину, превращались в стрелки часовые.

Но вот подул ветер, поднял пыль и обозначил себя на всём своём протяжении. Пылинки заблестели в лунном свете праздничной новогодней мишурой, и ветер приобрёл черты золотой трубы, в которой протекала жизнь, далёкая от жизни человека, и совершалось нечто таинственное.

Пахло молодой полынью, блестящей повсюду каплями росы, и запах её приятно возбуждал нервы. Сидя на камнях, звенели цикады, призывая своих подруг разделить с ними таинство ночи. В ельнике, темневшем вдалеке, ухал филин, заявляя какому-то зверю, что тот забрёл на чужую территорию. А я шёл дальше, размышляя о том, что душа у природы такая же чуткая, как и у человека. Иначе откуда взяться ветру, дувшему мне навстречу и казавшемуся золотым, когда я возвращался домой, полный надежд на будущее?

Си'верко, полуденник, закатник –
в них живёт весенняя пора.
Километры воздуха прокатят
по большой земле, как трактора.
И малину сделают двухцветной,
говорящей: точка и тире...
Вот и лето... Кустики-кареты,
водяные знаки на коре!
Радужных небес перемещенье
незаметно для глазного дна.
Коршун снял другое помещенье:
сверху – ветер, снизу – тишина.
И большое дерево, как праздник,
обнажая корни, небо пьёт...
Сиверко, полуденник, закатник...
Урожайным будет этот год!

Некто Прозрачный

Некто Прозрачный, вольный растекается как вода, вселяться в любую, удобную ему форму летает над весенним городом с лейкой в руках. И вливает в прохожих, залюбовавшихся клейкими листочками, нектар вдохновения.

Для него облака – цистерны, полные живительных сил, солнце – царство соломенных нитей. Из них Некто Прозрачный плетёт красивые шляпки для женщин, гуляющих по городу со своими малышами.

Всё выглядит так, как обычно. Дети играют в песочнице, мужчины заходят в кафе выпить вино. Но тут появляется учёный, приехавший из города N-ска. Он носит фамилию Клюква, одет в непромокаемый плащ и сапоги, выданные ему на складе Академии Наук. Желая бросить в сокровищницу знаний изумруд, учёный расставляет капроновые сети по всему городу. И терпеливо ждёт, когда Некто Прозрачный попадётся в его сети, как редкий вид мифологических существ.

Некто Прозрачный замечает проделки учёного и спешит скрыться. Для этого он влетает в зеркальце мальчишки, пускающего солнечные зайчики на школьном дворе, и исчезает за первым, отразившимся в зеркальце, поворотом.

После долгого ожидания учёный Клюква пожимает плечами, складывает сети в спортивную сумку и уезжает с отчётом в Москву. А Некто Прозрачный снова появляется над крышами домов, на этот раз с хлопущей бабочками и жуками. И продолжает веселить жителей города своими проделками.

Словно глубокий вдох,
тянется птичья нитка –
ею заштопал Бог
утром весенним свитку
и на Россию надел –
синюю, золотую,
с перечнем добрых дел,
с Ангелом одесную.

Путешествие в Горно-Алтайск, с описанием случившихся приключений

Следуя по делам в Горно-Алтайск, доверился своему наитию и купил в придорожном ларьке картошку, килограмма три. Посадил её на обочине, ощущая запах родной алтайской земли, и поехал дальше.

Проезжая Семинский перевал, видел лошадь, запряжённую в машину. Да, да: именно в машину! Симбиоз техники и природы, всегда готовой помочь человеку. Оглобли крепились к бамперу скобой, снабжённой рычагами. Лошадь щипала траву, поднимаясь на гору, и разгонялась на спуске порой до третьей скорости.

От спутника своего, имевшего живот роженицы и бороду «а ля старовер», похожую на лопату для очистки снега, услышал я новости последних дней. Поймали будто бы в океане рыбу по имени Саи. Плавники – капроновые тюли, глаза – весенняя лазурь. Телом же рыба была настолько ве-

лика, что достигала в длину восьмидесяти метров.

После Семинского перевала дорога кружила среди скал, и мы со спутником, выпив весь самогон, имевшийся в его корзине, решили заехать к отшельнику. Он жил неподалёку в кедровой домовине, имевшей лаз, подобный лисей норе. На доске, прибитой к домовине, были написаны слова: «Здесь нет места здравому смыслу!»

Подъезжая к Горно-Алтайску, встретили пастуха, одетого в латы средневекового рыцаря. Его сжигало солнце, донимали мухи и слепни, залетавшие под забрало. Но пастух вёл себя героически. И статью своей напоминал Дон-Кихота, которого я видел в кино.

Беседуя с нами, пастух курил алтайскую трубку. И шумно ругал советскую власть, морщась при одном её упоминании. А когда вспоминал наше с вами время, называл его почему-то «николаевским». А ещё – деревянно-нулевым!

Мало у меня осталось воспоминаний о том дне, поскольку выпито было много. Но все воспоминания хороши. Они греют меня в зимние дни, с их тоскливыми метелями. И хоть снова поезжай в Горно-Алтайск на лошадях, взятых у доброго соседа!

Решил поделиться своими воспоминаниями и с вами, дорогие читатели, поскольку третью неделю как метёт. Свистит, стучится в двери, заносит по самые окна мой дом. Спрятаться можно только в листе бумаги. Написать на нём в рифму, заполнив лист целиком, а после войти в стихотворение... Такова действительность, мои дорогие, и с нею приходится считаться!

Затрещит стрекоза над кустом
и откроет ключом-невидимкой
человеку в обличье простом
дверцу лунную, в утренней дымке.

Сам войдёшь или звать мотылька
удивлённому сердцу прикажешь?

Дни забот забирает река,
отдыхает сомненье на пляже.
У открытого воздуха рот
перепачкан молвой и малиной.
Вот она, моя родина: ждёт,
записаться в поэты зовёт...
Акварели аквамарина!

Проза Басё

Прозу Басё я назвал бы шелестящей, как осенние листья. Открытой миру и простой. Не мешающей думать зимними холодными вечерами. Глядящей приветливо в небо, с его веснушками птиц. А ещё я назвал бы его прозу прозрачной. Немного похожей на дневник, но куда нам деться без него? Обращённой к читателю, как к другу. Предлагающей домыслить течение речи самому. И заканчивающейся стихом, воспевающим чудо поэзии.

Проза Басё – это сама Япония, говорящая о милых сердцу пустяках, цветущая сакурой весной. Осыпающая приезжего дождём из лепестков, дарующая миру благословение. Указующая тайным языком: вот настоящий просветлённый!

Чего только стоит высказывание Басё, что поэт должен быть слаб, как былинка. Должен быть беден, как осенние поля. И что настоящее богатство поэта – это луна, задумчиво глядящая в воды.

Такого богатства хватит на всех, и даже с излишком. Поскольку луну, отражённую в реке, можно унести в ладони. И её не убудет в реке, совершающей свой путь к Океану. Так устроена жизнь.

Я выверну карманы: «На!..
Нет ничего из пустословья,
когда за окнами луна
кладёт лучи мне в изголовье.

Когда ручьи бегут за мной,
как псы, голодные разлукой,
и пахнет зимняя – зимой
судьбой отпущенная мука.

«Лишь волхованье», – скажешь ты
и будешь прав, мой друг! Весною
мир полон лёгкой красоты
с её прозрачной глубиной.

Духи весенних угодий и Цоша Весны

Вечер, пахнувший полынью. Наполненный оранжевым, каким-то загадочным светом.

Низкие закатные лучи раскатывают по траве тени. Тянут, как электромонтажники, тени в луга, стараясь исправить повреждённую солнцем линию. И принести в каждый дом радость земного существования.

На подоконнике дачного домика сидит Поэт. На нём белая рубашка, застёгнутая на одну пуговицу. Скрестив руки на груди, Поэт наблюдает за отражением на створке окна, открытого наружу.

Блик, скользящий по стеклу, видится Поэту существом, имеющим тесную связь с потусторонним миром. Неким лазутчиком, проникшим в наш мир для того, чтобы добыть нужную тому миру информацию.

Блик принимает облик интересующего его предмета,

например, дерева, растущего за окном, и пляшет на стекле от радости. А затем спешно покидает этот мир, оставляя в душе Поэта, наблюдавшего за ним, самые разные чувства...

Звёзды, уже проступившие на небе, мигают на разные лады. Словно передают на азбуке Морзе сообщение.

Зайчики, блики, сверканье повсюду стекла,
словно из леса несут на руках зеркала
духи весенних угодий, по пояс в снегу...
Я донести эту Ношу Весны помогу.
Как, я не знаю, и вряд ли узнаю о том,
только оставлю на время родительский дом.
Ветер мне друг, и печная задвижка – родня...
Где-то ещё ожидают, возможно, меня.
С верой такую, в воздухе тенью скользя,
я отправляюсь в дорогу... До встречи, друзья!

Эпифания соломенной сандали, морю и Бодхидхарме

Врут, что Бодхидхарма, следуя из Индии в Китай, переплывал море в соломенной сандали, которую он снял со своей ноги, в одиночку. В этой сандали сидел и я, и волны качали её, как люльку, много недель!

Бородатый и солёный от пота, Бодхидхарма выглядел мужиком. Он вращал своими глазами как прожекторами, которые ослепляли даже в солнечный день. «Греби скорее вёслами истины!» – кричал Бодхидхарма, и я грёб, насколько хватало сил.

Но однажды Бодхидхарма не выдержал медленного хода своей сандали, вылез и побежал до Китая по воде. Мириады солнечных зайчиков провожали его в пути. Я же снова взялся за вёсла и поплыл, куда указывала мне старая, проверенная временем карта...

Но где же, спустя 1500 лет плавания, Китай?

Письмо для Бога заготовил,
испачкав милого жука,
и за соломой нищих кровель
открылось небо как река.
И красота проста, как детство,
и не пугает недолёт...
Письмо – распахнутая дверца
в себя, где творчество живёт.

Луна в жизни алтайского народа

Луна над Алтаем светит мягким, загадочным светом. Тёмные образования на ней – как родимые пятна. А свет луны настолько силён, что звёзд почти не видно. Только на противоположной стороне неба мерцают звёзды, словно бы спрятанные за вуаль. Кажется, что звёзды глядят на луну с опаской. А вдруг лунный свет затмит и их своим сиянием?

Предметы, находящиеся в нейтральной зоне, между луной и человеком, словно обведены мелом. И вся округа блестит избытком влаги, равно как и избытком жизни. Кажется, что лес, темнеющий впереди, а также горы погружены в светящуюся жидкость. И будучи из неё извлечены, сохнут на ветру, продолжая поблёскивать.

Сегодня полнолуние. Начиная с завтрашнего дня, луна начнёт убывать, худеть до толщины суровой нитки. Её убывание будет продолжаться две недели, до полного исчезновения в небесах.

Убывание луны – серьёзная пора в жизни алтайского

народа. Пока она длится, не рекомендуется ходить в гости к родным и близким, начинать хозяйственные дела, охотиться и ловить рыбу. Нужно дождаться растущей луны, если хочешь добиться успеха. Луна руководит жизнью алтайского народа, дарит ему свой, особый ритм существования.

Ну, а пока – полнолуние. Совы в лесах ухают чаще и цикады в полях стрекочут звонче. Активность жизни в лучшую пору её существования! Мясо коз и баранов самое вкусное, девочек, родившихся в это время, называют Алтынай. Что означает «Золотая Луна, плывущая над горами», дающая свет и процветание жизни на этой земле.

Я деньги вложил в ледяную траву:
расти-ка зимой на Алтае,
чтоб ели коровы тебя наяву
и в сон золотой затолкали
поглубже – до самых далёких морей,
до юношей, небом богатых,
до Грея, который боится угрей
и любит и шёлк, и дукаты;
до вас, хоть Ассоль не сидит на плече
у вас ангелочком-кумиром,
купаясь в потоке серьёзных речей
о странностях этого мира.

Поэзия Алтая

Если вы спросите алтайского пастуха, одетого в лисью шапку и бараний тулуп, что такое поэзия, пастух таинственно улыбнётся. Погладит бородку пальцами, сложенными в щепоть, и ответит: «Это Дух, хозяин земли, воды, огня и воздуха!» Затем помолчит, глядя на вас доверчивыми глазами, и добавит: «И всего Алтая тоже».

Ээзи – так в этих горных местах зовут духов-повелителей!

Сама поэзия живёт в алтайском аиле, заправляя ежедневным перечнем дел, а вечерами, когда взгрустнётся, вылетая из топшура, старинного музыкального инструмента, в виде сказочной жар-птицы.

Алтайцев на просторах Азии называют луноликим народом. А где, в какой книге читали вы про луну, отделённую от поэзии? Где встречали вы поэтов, не воспевших хотя бы раз в своей жизни луну? Вот она, связь, красной нитью проходящая сквозь чаянья и надежды алтайского народа,

живущего в неразрывном единстве с Природой!

С ладошки алтайского мальчишки всплывает по утрам солнце. А к вечеру, совершив свой маршрут, снова возвращается на ладошку...

Алтай – ээзи, Алтай – сама поэзия!

Бывало, лишь дунет ветер
сентябрьский, сухой, колючий,
и гриб в золотом берете
вам скажет: «Собой побудьте!
Чего вы сидите дома
за пыльной решёткой окон?
Вы были страницей тома,
вы били небесным током!»
Ему не ответишь кратко,
ему не ответишь скоро.
И снова живёт тетрадка
поэзией разговора.

Кофейная роза

Зимний лес, увиденный сквозь призму плохого настроения, похож на морское дно.

В тумане, плывущем клочьями мимо, проступают мачты затонувших кораблей. Несутся сквозь рваные паруса синицы, похожие на стайку рыб. И где-то вдали краснеет взрыв, который люди называют солнцем...

Но если вернуться домой, в избушку, где печка, присягая огню, дышит теплом и покоем, можно начать сначала этот день. Замечая вокруг только хорошее, как нам и завещала Природа!

Для этого необходимо сварить кофе и достать из холодильника молоко. И почувствовать пальцами согревшихся рук: зима с интересом наблюдает за тобою!

В жидкость, принявшую форму небольшой чашки, вливается молоко. Дыхательный клапан перекрыт, щёки покрываются румянцем. Опускаясь на дно, молоко начинает клубиться, распускать свои белые лепестки...

Кофейная роза существует считанные секунды, но дарит человеку весну. И валенки, уже оттаявшие у печки, снова зовут тебя в лес. Поделиться с ним радостью, а заодно и узнать: не забросал ли кто его самоцветами?

На что похожа Колыма,
в осеннем воздухе летая,
как это делает святая?
Ответь, мой друг, себе сама.
Да, это сказка, и зимой
она опять побудет с нами,
чтобы весенними духами
наполнить воздух ледяной.
На что похожа Колыма?
На то, что мы с тобой представим,
на полку книжную поставим,
и пылью нашего ума
не затемним свой день воздушный...
На что похожа Колыма?
Послушай...

Этюг душистого табака

Цветы, чем-то похожие на ангелов, качают своими головками от того, что они увидели в этом мире. Но всё ещё стойкие и упругие, словно накрахмаленные воротнички. Радуют своим видом ребёнка, живущего в каждом человеке – кормят его волшебным молоком.

Утром цветы раскрывают свою душу напоказ. «Летите, любуйтесь нами!» – призывают они бабочек, уже умывшихся росой. Такова сущность цветов, излучающих вместе с ароматом и едва уловимую музыку.

Общаясь с цветами, человек сталкивается с тончайшими явлениями в своей жизни. Они происходят в любви, спонтанно приходящей и возвышающей человека до жизни, которая ещё не наступила.

Ночных насекомых знаток-зазывала –
душистый табак фонтанирует запах,
и формой своей граммофонной, бывало,

в каких ни бывал фантастических лапах!
Ещё медосбор не начался, к обеду
несётся в цветном размахе богиня.
О лето! О бабочки! Тени рассвета
для вас тяжелы, как чугунные гири.
Сгущается воздух в прозрачных раструбах –
заводы коллоидных клеток в порядке!
И ножки танцуют, и чмокают губы,
пыльцу осыпая на влажные грядки.
Я в этот цветник забежал на минуту
и в сон погрузился, прозрачный и лёгкий,
в котором растения славили утро
и сладкие реки цветочного сока!

Новая алтайская поэзия

Маркс писал о революции, возможной в отдельно взятой стране, сумевшей сохранить свою, самобытную культуру. Поэзия в современной России возрождается в малых народах. На наших глазах в Бурятии и Туве возрождаются религия и искусство. Алтайская жизнь, проходящая среди гор, закрытых по утрам туманной дымкой, также полна ожидания.

Новая алтайская поэзия уже рождена. Её кормят манкой искрящихся на солнце снегов, приучая к суровости будней. И поят росой лугов, непременно альпийских, на которые садятся облака, словно уставшие лебеди.

Какой она станет, когда вырастет? Будет ли поклоняться ямбу и хорею или предпочтёт свободное течение песни кайчи, улетающей летней ночью по маршруту преданий к звёздам?

В ногах её светит луна, в изголовье сверкает солнце. Новая алтайская поэзия – дочь Ойрота и Сети, именуемой

интернетом. Она – зеркальное отражение своего непросто-
го времени.

Пожелаем новой алтайской поэзии, стремящейся ле-
тать на своих собственных крыльях, не пуха, но – пера!

Знакомая с наукою
ложиться спать к утру,
ты мыслишь ноутбуково
на ледяном ветру.
И вся округа в инее,
и в дне твоём – хоть плачь! –
прочёркивает линии
электропередач.

Иной корабль выбери
из списка кораблей –
ни убыли, ни прибыли
в Атлантике твоей!
И вся-то жизнь заверчена
таинственным столбом.
Ты тэгами помечена
в пространстве цифровом.

Эпифания Алтая, его особенностям и его сотрудничеству с человеком

Люди, чистые сердцем и умом, способные понимать язык Природы, – именно о них мечтает Алтай, сверкая снегами своих вершин на рассвете!

На горы Алтая следует смотреть издалека, чтобы проникнуть в их состояние, и вблизи, чтобы почувствовать их характер. Облака, украшающие небо, неодинаковые. Весной они как леденец, тающий во рту ребёнка, летом куда пышнее трав, растущих на пригреве, осенью молчаливы и грустны, зимою – вялые и пустые. Следует долго смотреть на облака, вдыхая запахи горных лугов, чтобы почувствовать их живыми.

Дороги и жилые строения на Алтае, мосты и переправы через реки являют облик технических достижений человека. Рыбалка, охота и блуждание по горам, связанное с созерцанием природы, являют внутреннюю жизнь этого региона.

Горы Алтая при утреннем освещении одни, при вечернем – другие. Дымка, их застилающая, как бы подчёркивает их характер, всегда дружелюбный. Горы никогда не ссорятся между собой, перекликаются эхом и ведут образ жизни, который в книгах, написанных в старину, зовётся общинножитием.

Реки и речки на Алтае особенные. Они бегут по камням словно козы, выявляя молодой и задиристый характер. И это закономерно, поскольку реки Алтая берут своё начало от ледников. И лишь вытекая на равнину, успокаиваются и делаются предсказуемыми, отражая солнце и луну.

Алтай – живой и крепкий организм. Его отдельные части связаны между собой, являя взаимную помощь в трудных подчас условиях. Недаром на Алтае процветает язычество – религия сотрудничества человека и стихийных сил. Такова особенность Алтая, которую современный человек, при всей его технической оснащённости, не в силах изменить.

Шопен – в ручьях, а в небесах – Бетховен
в союзе с колесницею Ильи
поют с утра, что этот мир свободен
от уходящей в сумрак колеи.
И соловей на сливе одинокой,
кривою саблей месяца сражён,
поёт о том же – о любви стоокой,
благоухая в звуке, как пион.